

Сергей (Вождь)

Равновесие

Сергей (Вождь) Равновесие

<https://litres.ru/73188259>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире на грани распада герои ищут путь к равновесию: Люси учит превращать память в свет, создавая Школу Памяти; Ним и дети-хранители оберегают Сердце Первозданного, осваивая Песнь Единства; Эли выстраивает сеть Стражей Перехода, чтобы мост между мирами не рухнул. Звезда Роберта даёт последнее послание о силе памяти, а спустя годы люди учатся жить в гармонии с прошлым. Но в глубинах космоса тень истинного автора шепчет: «Равновесие — это тоже игра», — напоминая, что покой требует постоянного выбора.

Сергей (Вождь)

Равновесие

Глава 1. Пепел и осколки

Ночь разорвал рёв — не звериный, не человеческий, а такой, от которого кости превращаются в труху. Роберт проснулся от того, что кровать дрожала, будто земля под ней билась в лихорадке. Он метнулся к окну — и увидел, как над крышами взмывает огненное крыло, заслонив луну.

Первый залп упал на мельницу. Дерево вспыхнуло, как сухая щепка. В оранжевом зареве Роберт различил силуэт: шея — змеиная, туловище — горы, а глаза... глаза светились, как два расплавленных медных шара. В воздухе висел запах озона — резкий, как предвестие бури.

Он бросился к двери, но та уже горела. Выбил плечом. Вывалился в переулок, где воздух был густым от пепла и криков. Пепел лип к влажному от пота лицу, царапал горло.

— Мама! МАМА! — детский голос перекрыл гул пламени. Роберт обернулся: соседский мальчишка Тимми бегал вокруг рухнувшей избы, хватал горящие брёвна голыми руками. Его глаза были широко раскрыты, но в них не было страха — только отчаяние.

— Стой! — Роберт рванул к нему, но в этот момент крыша обвалилась с шипением, будто тысяча змей. Тимми исчез в столбе огня. Где-то вдали ударил колокол — один, глухой, словно прощаясь.

Второй залп ударил в колодец. Вода вскипела за секунду — пар поднялся, как призрачная завеса. В его клубах мелькали тени: люди, пытавшиеся бежать, падали, объятые пламенем. Кто-то кричал: «Он видит нас! Он видит!»

Роберт прижался к стене, чувствуя, как жар обжигает кожу сквозь рубаху. Он поднял взгляд — и встретился с тем самым медным глазом. Дракон завис над улицей, расправив крылья, и улыбнулся. Да, это была улыбка — зубы, как кинжалы, раздвинулись, обнажив алую глотку. На камнях под ним проступили выжженные руны — древние знаки защиты, теперь бессильные.

Из пасти хлынул третий залп.

Огонь ударил в дом старосты — тот взорвался, как перезревший плод. Обломки разлетелись, пробивая крыши соседних изб. Роберт упал, прикрыв голову руками. Что-то тяжёлое ударило в спину — он перевернулся и увидел: это был осколок зеркала из дома ткачихи. В нём, искажённый и раз-

дробленный, отражался дракон. Но не один — а десять, двадцать, сто драконов, каждый в своём осколке, каждый с тем же леденящим взглядом. Стекло было необычным — холодным на ощупь, будто отлито из лунного света.

Он отбросил зеркало. Поднялся, шатаясь. Воздух был пропитан запахом горелой плоти и жжёного мёда — так пахла драконья слюна. Где-то под ногами хрустели обломки статуи — её каменный лик теперь смотрел в небо пустыми глазами.

— Роберт! — крик матери раздался из-за угла. Он бросился туда, но увидел лишь тени: её силуэт, охваченный пламенем, и ещё один — высокий, с рогами. Не дракон — человек?

— МАТЬ! — он рванул вперёд, но дорогу перегородил столб огня. В последний момент он различил её лицо в проёме горячей двери: она улыбалась. Почему она улыбалась?! В её глазах мелькнуло что-то знакомое — как будто она знала, что это не конец.

Дверь рухнула.

Тишина.

Только треск пламени и далёкий вой — то ли собаки, то ли женщины, потерявшей разум. Ветер поднимал пепел, и тот падал, как снег, оседая на плечах Роберта.

Роберт опустился на колени. Что-то холодное коснулось ладони — он сжал пальцы и почувствовал осколок. Тот самый, что отражал дракона. Теперь он светился красным, как капля крови на снегу. Роберт поднёс его к луне. Осколок пульсировал, будто живое сердце. А в его глубине, за красным сиянием, мелькнул другой образ: не дракон, а человек с глазами, полными слёз. Его лицо было размыто, но в нём угадывалась странная знакомость — будто отражение самого Роберта из иного времени.

В голове зазвучал голос — не его, не матери, не дракона:

«Найди того, кто видел его рождение. Имарис знает...»

Осколок обжёг ладонь — не жаром, а ледяным холодом, пробирающим до костей. И Роберт понял: это не просто кусок стекла. Это — ключ.

А где-то вдали, за горами пепла, дракон взмахнул крыльями и исчез в тучах, оставив после себя лишь запах тления и тишину, которая кричала громче огня. Но в этой тишине Роберт уловил отдалённый звон — как будто кто-то бил в

колокол, отсчитывая время.

Глава 2. Воспоминания и пепел

Воспоминание 1. Ночной разговор

Он подслушивает разговор матери с кем-то в кладовке. Голос собеседника хриплый, словно обожжённый:

— Он должен узнать правду до того, как увидит его.

— Нет, — мать почти кричит. В её голосе — не просто страх, а отчаяние, будто она стоит на краю пропасти. — Это сломает его!

— А если не узнает — умрёт. Ты же видела знак на его руке.

Он поднимает ладонь: на внутренней стороне запястья — тонкий шрам в форме крыла. Он никогда не помнил, откуда тот взялся. Кожа вокруг рубца чуть холоднее, чем остальная, — будто там затаилась чужая память.

— Пусть думает, что дракон — чудовище, — говорит мать. — Так проще. Так он сможет жить.

В темноте кладовки что-то шевельнулось — не человек, не тень, а промежуточное существо. Он не разглядел, но по-

чувствовал: от него пахнет дымом и металлом.

Воспоминание 2. Встреча в лесу

Он бежит через заросли, смеётся. Листья хлещут по лицу, но это не больно — это весело. Ему кажется, что за ним кто-то следит — но не страшно, а... волнующе. Как будто мир играет с ним в прятки.

Он замирает у старого дуба и видит: на ветке сидит мальчик, но с глазами, которые светятся, как два уголька. В его взгляде — не враждебность, а узнавание.

— Ты кто? — спрашивает он.

Мальчик улыбается, но не отвечает. Вместо этого он поднимает руку — и на ладони вспыхивает крошечный огонёк. Он не жжёт, а греет, как воспоминание о солнечном дне. Он тянется к нему, но в этот момент раздаётся крик матери:

— Немедленно домой!

Когда он оборачивается, мальчика уже нет. Только пепел на траве, выложенный в форме крыла. Он трогает его пальцами — пепел не холодный, а тёплый, будто только что выпал из огня.

Настоящее время

Роберт вздрогнул, выпуская осколок из руки. Перед глазами всё ещё стоял образ мальчика с огненными глазами. Это был не сон. Это было воспоминание — настоящее, с запахом леса и теплом чужого огня.

Он огляделся: деревня превратилась в кладбище из угля и костей. Где-то под обломками ещё стонали люди — но он не мог помочь. Не сейчас. Его ладонь сжимала осколок Сферы, и тот пульсировал красным, будто второе сердце.

Теперь Роберт понимал: мать знала о драконе. Знала о нём. И скрывала это, чтобы защитить.

Но от чего?

Он сжал кулак, чувствуя, как острые края врезаются в кожу. Кровь смешалась с пеплом, образуя странную вязкую массу. В голове снова зазвучал голос:

«Найди того, кто видел его рождение. Имарис знает...»

Теперь Роберт знал: это не просто приказ. Это — ключ к правде. И первый шаг лежал не вперёд, к логову дракона, а

назад — в те уголки памяти, которые мать так старательно прятала.

Он поднял осколок к луне. В его глубине, за красным сиянием, снова мелькнул образ мальчика с угольными глазами. На этот раз Роберт разглядел детали:

рубашку с вышитыми звёздами;

тонкий серебряный браслет на запястье;

тень улыбки, будто мальчик знал что-то, чего не знал Роберт.

— Кто ты? — прошептал Роберт.

Осколок ответил не словами, а ощущением: холод, ветер, запах дождя перед грозой. И ещё — чувство дома, которого Роберт никогда не имел.

Где-то вдали, за горами пепла, дракон взмахнул крыльями. Его тень накрыла руины, но Роберт больше не дрожал. Он смотрел на осколок — на свой компас, на свою первую подсказку.

— Я найду тебя, — сказал он, не зная, кому именно. —

Я узнаю правду.

Глава 3. Пепел и шрам

1. Путь к забытой часовне

Роберт шёл сквозь выжженные поля, сжимая в кулаке осколок Сферы. Тот пульсировал всё слабее, будто истощался вместе с его волей. Но каждый раз, когда шрам на запястье начинал светиться, Роберт сворачивал в ту сторону — словно шрам был компасом, указывающим путь сквозь пепельную пустошь.

На третий день пути он достиг развалин старой часовни. Здесь воздух был густым от запаха ладана и железа — будто кто-то недавно жёг свечи и... кровь. Камни под ногами были тёплыми, а тени — слишком густыми, словно прятали в себе чьи-то взгляды.

Внутри, у алтаря, сидел он.

Тот самый незнакомец из детства — теперь седой, с лицом, изрезанным шрамами, но с теми же холодными глазами, что и двадцать лет назад. Его плащ был выцветшим, но на рукавах виднелись вышитые руны — те же, что Роберт видел в детстве на одежде матери.

— Ты пришёл, — сказал незнакомец, не поднимая взгляда

от книги с обгоревшими страницами. — Я ждал.

— Вы говорили с моей матерью, — Роберт шагнул вперёд, и осколок в его руке вспыхнул красным, отбрасывая на стены дрожащие тени. — О драконе. О мне.

Незнакомец закрыл книгу. Её обложка треснула, обнажив металл, похожий на драконью чешую.

— Она просила не рассказывать. Но теперь, когда огонь вернулся... выбора нет.

Он протянул руку:

— Покажи шрам.

2. Правда о проклятии

Когда Роберт обнажил запястье, незнакомец резко вдохнул:

— Он пробуждается.

— Что это значит?! — Роберт сжал кулак. Шрам пульсировал, будто пытался вырваться наружу. — Почему мать скрывала?

— Потому что ты — не просто человек.

Незнакомец встал. Его плащ распахнулся, обнажив на груди такой же шрам — только крупнее, в форме развёрнутого крыла. Руны на его одежде засветились, повторяя узор шрама.

— Мы — потомки первого, кто попытался обуздать силу дракона. Он дал нам часть своей сущности, но взамен наложил проклятие: каждый, кто носит этот знак, рано или поздно станет мишенью. Дракон ищет нас, чтобы уничтожить следы своего прошлого.

Роберт почувствовал, как холод ползёт по спине. В памяти вспыхнули обрывки: мать, шепчущая заклинания над его рукой; запах трав; звук её голоса: «Не смотри на шрам слишком долго...».

— Значит, мать знала...

— Она знала, что ты погибнешь, если узнаешь правду слишком рано. Но теперь ты видел огонь. Ты слышал голос Сферы. Ты уже в игре.

— Как его победить?

Незнакомец усмехнулся. Его глаза на миг вспыхнули тем же огнём, что и осколок:

— Нельзя убить того, кто когда-то был человеком.

3. Появление Люси

За спиной Роберта раздался хруст щебня. Он обернулся — у входа в часовню стояла девушка в потрёпанном плаще. Её глаза светились фиолетовым, а в руках она держала посох с кристаллом, пульсирующим в такт осколку в его ладони. Воздух вокруг неё дрожал, будто от жара невидимого пламени.

— Отдай это мне, — сказала она, не глядя на незнакомца.
— Ты не понимаешь, что держишь.

— А ты понимаешь? — Роберт сжал осколок. Тот обжёг пальцы, но не выпустил ни капли света. В его глубине мелькнул образ: дракон, обвивающий собственное крыло.

— Я знаю, что это — ключ к спящей силе. Если дракон получит его, мир утонет в огне.

— А если я получу его — смогу убить дракона.

Люси шагнула вперёд. Её посох ударил в пол, и по камням побежали трещины, светящиеся фиолетовым. Из них вырвались струйки дыма, складываясь в руны.

— Убить? Ты даже не знаешь, кого хочешь убить!

Незнакомец поднял руку. Руны на его плаще погасли, и трещины на полу замерли:

— Оба правы. И оба ошибаетесь.

4. Откровение о казни

— Пять лет назад, — продолжил незнакомец, — в этом самом городе сожгли ведьму. Она кричала, что проклянет род тех, кто её осудил. Её слова были правдой.

Роберт вспомнил: мать тогда запретила ему выходить на площадь. Теперь он понял почему. В памяти всплыл запах гари, крики, звук колокола, который бил не переставая.

— Проклятие ведьмы усилило метку на твоей руке. Оно сделало тебя... видимым для дракона.

— Значит, это она виновата?! — Роберт рванулся к Люси.

— Ты ведь тоже ведьма! Ты знаешь, как снять проклятие!

Люси не отступила. Её посох снова ударил в пол — на этот раз из кристалла вырвался луч света, осветив шрам на его запястье. Тот засиял, как крошечное солнце, и Роберт почувствовал, как по венам пробежала волна жара.

— Снять? — она усмехнулась. Её глаза на миг стали полностью фиолетовыми, без зрачков. — Нет. Но можно обратиться.

Она протянула руку:

— Если ты доверишься мне, мы используем силу осколка, чтобы найти источник проклятия. Но это будет больно. Очень больно.

Роберт посмотрел на незнакомца. Тот кивнул. На его лице мелькнула тень сожаления:

— Это единственный путь. Но помни: когда шрам загорится полностью, ты уже не сможешь вернуться.

5. Выбор

Осколок в руке Роберта дрогнул. Он чувствовал, как внут-

ри него разгорается что-то чужое — не гнев, не страх, а голод. Голод силы. В ушах зазвучал шёпот, складывающийся в слова: «Прими. Прими. Прими».

Перед ним стояли двое:

Незнакомец — хранитель тайн, который знал его мать. Его шрам светился в темноте, будто маяк.

Люси — ведьма, предлагающая путь через боль. Её посох пульсировал, как второе сердце.

А где-то вдали, за горами, дракон снова взмахнул крыльями. Его рёв прокатился по небу, и камни в часовне задрожали.

И шрам на руке Роберта вспыхнул, как сигнальный огонь.

В этот миг он понял: выбора нет. Есть только путь.

Глава 4. Видения проклятия

1. Ритуал Люси

Люси расстелила на каменном полу часовни чёрный шёлк, выложила по кругу семь свечей из пчелиного воска и волчьих когтей. Пламя дрожало, отбрасывая на стены тени, похожие на когтистые лапы. В центре она положила осколок

Сферы — тот едва заметно пульсировал, будто ждал.

— Когда увидишь прошлое, — предупредила она, не поднимая глаз, — не пытайся заговорить. Иначе застрянешь там навсегда. Твой разум станет частью видения.

Роберт лёг на шёлк. Ткань холодила кожу, словно была пропитана ночной росой. Люси провела ножом по его ладони — боль была короткой, как укус насекомого. Капли крови упали на осколок. Тот вспыхнул белым, но не ярким светом, а мёртвенным, как сияние гнилушек в лесу.

Затем она прошептала заклинание. Слова звучали так, словно их произносили сразу несколько голосов — детский, женский, старческий — все сливались в единый шёпот, от которого дрожали свечи.

Осколок вспыхнул.

2. Видение: казнь ведьмы

Роберт стоял на городской площади, но не как наблюдатель — как участник. На нём была одежда подростка, а в руке — камень. Его пальцы сжимали его инстинктивно, будто делали это сотни раз.

Перед ним на помосте — женщина в лохмотьях. Её волосы обгорели, лицо покрыто сажей, но глаза... они светились тем же фиолетовым, что и у Люси. В них не было страха — только ярость и знание.

— Я не колдунья! — кричала она. — Я хранительница! Вы убиваете не меня — вы убиваете память!

Толпа ревела. Кто-то бросил камень — он попал ведьме в висок. Она упала, но тут же подняла голову и посмотрела прямо на Роберта. Её взгляд пронзил его, будто игла.

— Ты следующий, — прошептала она. — Твой род заплатит за их грех.

Её привязали к столбу. Когда пламя охватило её, она закричала — не от боли, а от ярости:

— Пусть кровь твоя станет пеплом! Пусть шрам твой проснётся! Пусть дракон придёт за тобой!

В этот момент Роберт почувствовал ожог на запястье. Он взглянул — и увидел, как на коже проступает контур крыла. Шрам выжигался изнутри, и с каждым мгновением боль становилась частью его памяти.

Видение погасло.

3. Правда о матери

Роберт очнулся. Люси держала его за руку — её пальцы дрожали, а на виске блестела капля пота.

— Ты видел не всё, — сказала она. — Твоя мать была там.

На стене часовни проявились новые образы — как будто кто-то писал их дымом:

Мать Роберта в толпе, с младенцем на руках (им был он сам). Её лицо искажено болью, но в глазах — решимость.

Она пытается прорваться к помосту, но стража отталкивает её. Один из солдат бьёт её прикладом, и она падает.

В последний момент ведьма смотрит на неё и шепчет: «Ты знаешь, как исправить...». Её губы движутся, но слова тонут в реве толпы.

— Мать знала ведьму, — пробормотал Роберт. — И знала, что проклятие можно снять.

— Но не стала, — добавила Люси. — Потому что снятие

проклятия требует жертвы. Не просто крови — души.

4. Карта незнакомца

Незнакомец подошёл, развернул на алтаре карту — не из бумаги, а из кожи с выгравированными рунами. Руны светились тускло, как угли, и при прикосновении к ним воздух дрожал.

— Это путь к Алтарю Перековки, — сказал он. — Там ты сможешь изменить силу шрама. Но плата будет высока.

Карта показывала:

горный перевал с черепами на столбах — их глаза следили за воображаемым путником;

реку, текущую вверх — её воды были чёрными, как нефть;

башню, вросшую в скалу — её окна напоминали пустые глазницы.

— Что я должен отдать? — спросил Роберт.

— То, что дороже всего. Память о ком-то. Чувство, которое держит тебя в этом мире. Или часть души — чтобы шрам

стал твоим, а не дракона.

Роберт сжал осколок. Тот нагрелся, будто предупреждая, а затем зашептал — не словами, а образами: огонь, крылья, крик.

5. Конфликт: осколок против ведьмы

— Нет, — резко сказала Люси, отступая к выходу. Её посох дрогнул, и кристалл на нём потемнел. — Ты не понимаешь! Если он переплавит шрам, станет таким же, как дракон! Ты потеряешь себя!

— А если не переплавит — умрёт! — рявкнул незнакомец. Его плащ затрепетал, будто от ветра, которого не было. — Проклятие уже в нём. Оно растёт.

Роберт шагнул к Люси:

— Отдай посох. Ты знаешь, как управлять силой.

— Я знаю, как сохранять её! — она подняла посох, и кристалл засветился, но не фиолетовым, а кроваво-красным. — Ты ещё не готов! Ты не видишь, что осколок уже владеет тобой!

Он бросился к ней, но осколок в его руке взорвался светом. Ударная волна отбросила Люси к стене. Она вскрикнула — на её плече расцвела рана, будто выжженная клеймом в форме крыла.

Роберт замер. В ушах звенело. Он посмотрел на свою ладонь: шрам на запястье пульсировал, как второе сердце. А внутри него...

...что-то улыбалось.

6. Пробуждение тёмной стороны

— Ты использовал силу осколка, — прошептал незнакомец. — Теперь он слышит тебя. И ты слышишь его.

Роберт почувствовал голод — не физический, а иной. Желание разрушать, чтобы заполнить пустоту в душе. Он сжал кулаки, пытаясь подавить это. Но голод пел в его венах, обещая силу, если он сдастся.

Люси поднялась, прижимая руку к ране. Её глаза снова светились фиолетовым, но теперь в них была не ярость, а печаль.

— Видишь? — её голос дрожал. — Ты уже начал превра-

щаться. Осколок питается твоей болью.

— Или просыпаться, — возразил незнакомец. Он подошёл ближе, и его шрам на груди засветился в такт шраму Роберта. — Это его судьба. Его право.

Роберт посмотрел на осколок, затем на карту. Путь к Алтарю был ясен. Но теперь он знал: чем ближе к цели, тем сильнее будет менять его.

И самое страшное — часть его хотела этого. Часть его ждала.

Глава 5. Путь сквозь тени

1. Переход через Чёрный перевал

Тропа вилась между скал, словно рваная нить. Ветер выли в расщелинах, и каждый его вздох превращался в шёпот — будто тысячи голосов пытались пробиться сквозь камень. Роберт шёл первым, сжимая осколок; тот пульсировал, будто отбивал ритм чьего-то сердца, и с каждым ударом в висках нарастала глухая боль.

— Здесь нельзя останавливаться, — прохрипел незнакомец, натягивая плащ на лицо. Ткань трепетала, будто живая. — Призраки питаются страхом. Они чувствуют его, как запах крови.

Люси молчала. Её посох едва светился — она сэкономила силу, но Роберт заметил, как она время от времени бросает взгляды на его запястье. Шрам светился в темноте, оставляя на камнях призрачные следы, будто капли расплавленного серебра.

Внезапно тропа оборвалась. Перед ними возникла стена из чёрных камней, сложенных в форме арки. На каждом — вырезаны лица. Знакомые лица.

Роберт замер. Среди каменных масок он узнал:

соседа Тимми, сгоревшего в первой атаке дракона — его рот застыл в беззвучном крике;

старуху Марту, которую сожгли как ведьму год назад — её глаза были выщерблены, но всё ещё смотрели с укором;

даже собственное детское лицо — искажённое, с горящими глазами, будто он уже тогда был частью этого проклятия.

— Они ждут, — прошептала Люси. Её голос дрогнул, а посох вспыхнул на миг, отгоняя тени. — Ждут, чтобы забрать то, что им задолжали.

2. Встреча с призраками

Из-под камней пополз туман. В нём вспыхнули огни — не жёлтые, как у живых, а лиловые, как глаза ведьмы на костре. Они пульсировали в ритме, который Роберт чувствовал в своём шраме.

Первый призрак вырвался вперёд — женщина с обгоревшими волосами. Её рот раскрылся в беззвучном крике, но Роберт услышал:

«Ты не спас меня. Ты бросил камень».

— Я не бросал! — он отшатнулся, но другие тени уже окружили его, сплетаясь в хоровод воспоминаний. — Я был ребёнком!

«Ребёнок тоже выбирает», — прозвучало в голове, и голоса множились, заполняя череп, как рой ос.

Призраки тянули руки — не чтобы схватить, а чтобы показать. Перед Робертом вспыхнули видения:

он стоит на площади, сжимает камень, но не бросает — колеблется, а в груди растёт ледяной ком;

мать тянет его прочь, шепчет: «Не смотри», но её голос тонет в реве толпы;

ведьма смотрит ему в глаза и улыбается: «Ты следующий», а её пальцы оставляют на его ладони невидимый след.

— Это не моя вина! — заорал Роберт, хватаясь за осколок. Тот вспыхнул чёрным светом, и призраки отпрянули, но их голоса остались — теперь они звучали внутри черепа, как тысяча шёпотов:

«Вина не гаснет. Она только растёт. Она становится тобой».

3. Тайная попытка Люси

Ночью, когда Роберт уснул у костра, Люси подкралась к нему. Пламя дрожало, отбрасывая на её лицо тени, похожие на трещины. Её пальцы дрожали, но она осторожно коснулась осколка, лежавшего у его головы.

— Прости, — пробормотала она, начиная заклинание. Слова лились тихо, как кровь из раны.

Кристалл посоха замерцал, вытягивая из артефакта тонкую нить света. Осколок задрожал, но вдруг вцепился в её

кожу — как живое существо, впиваясь когтями.

Люси вскрикнула. На ладони остался ожог в форме крыла — такой же, как у Роберта, только меньше, будто отпечаток его судьбы.

— Что ты делаешь? — хриплый голос заставил её вздрогнуть.

Роберт сидел, глядя на неё. Его глаза были пустыми, а шрам на запястье пылал, как раскалённый металл. В воздухе пахло окалиной.

— Ты пыталась забрать его силу, — он поднялся, и осколки света в его ладони сложились в остриё, острое, как правда. — Как и они.

— Я хотела спасти тебя! — она отступила, а посох в её руке дрогнул, будто устал. — Если ты переплавишь шрам, станешь таким же, как дракон! Ты потеряешь всё человеческое!

— А если не переплавию — стану трупом, — его голос звучал ровно, но в нём слышался гул, будто внутри него ворочался зверь. — Ты не понимаешь. Это уже не выбор. Это — путь.

Между ними повисла тишина, пропитанная запахом пепла и железа. Где-то вдали завыл ветер, и его вой слился с биением шрамов.

4. Голоса шрама

Позже, когда Люси и незнакомец уснули, Роберт остался на страже. Шрам пульсировал, и с каждым ударом в голове возникали образы — яркие, как ожоги:

огромная пещера, где дракон лежит, свернувшись вокруг золотого яйца, а его глаза — два озера расплавленной меди;

человек в плаще (такой же, как у незнакомца) протягивает руку к огню, и его тень становится крыльями;

его мать, стоящая перед алтарём, шепчущая: «Прости, сын», а в её руках — нож, покрытый каплями, похожими на звёзды.

А потом — голос. Не шёпот, а низкий, как раскаты грома, пробирающий до костей:

«Ты думаешь, я враг? Я — зеркало. Ты видишь во мне то, чего боишься в себе».

— Кто ты? — пробормотал Роберт, сжимая кулаки. Осколок в его руке нагрелся, будто хотел заговорить сам.

«Тот, кого вы сожгли. Тот, кого ты хочешь убить. Но мы связаны, мальчик. Наши шрамы — одно целое. Ты чувствуешь это? Этот голод? Это — сила».

— Почему ты говоришь со мной?

«Потому что ты близок к Алтарю. Потому что ты можешь выбрать: стать мной или уничтожить нас обоих. Но помни — если ты победишь меня, ты победишь себя».

Голос затих, но в ушах остался звон — как будто тысячи колокольчиков, бьющихся о камни, или крики тех, кто когда-то тоже стоял на этом пути.

5. Утро перед пропастью

На рассвете они подошли к краю перевала. Перед ними зияла пропасть, а на другом берегу виднелась башня — та самая, что была на карте. Между ними — лишь мост из костей. Он шелестел, будто листья на ветру, и Роберт понял: это не останки животных. Это — люди.

Люси посмотрела на Роберта. Его лицо было бледным, а

глаза — слишком яркими, как будто внутри горели угли. Нашее пульсировала вена, повторяя ритм шрама.

— Мы не можем идти дальше, — сказала она, и её голос дрогнул. — Он меняется. Посмотри на его руки — они уже не совсем его.

Незнакомец медленно покачал головой. Его плащ развевался, будто крылья, а руны на рукавах светились тускло, как умирающие звёзды.

— Он уже выбрал, — прошептал он. — Даже если не знает об этом.

Роберт шагнул к мосту. Осколок в его руке запел — низким, вибрирующим звуком, от которого камни под ногами задрожали, а кости моста зашевелились, будто живые.

— Если дракон — это я, — проговорил он, не оборачиваясь, — то кто тогда вы?

Он ступил на кости. Они хрустнули под его ногой, и в этот момент шрам вспыхнул так ярко, что Люси вскрикнула, прикрывая глаза. Когда свет погас, Роберт уже был на полпути к башне.

А за его спиной, в тумане перевала, шептались призраки:

«Он идёт. Он идёт. Он — наш».

Глава 6. Мост из костей

1. Переход: голоса из прошлого

Мост дрогнул под ногой Роберта — словно живое существо, пробудившееся от долгого сна. Кости, скреплённые высушенными сухожилиями, закрипели, и в этом звуке слышались имена, будто кто-то шептал их сквозь века.

— Роберт... — прошептал ветер, и эхо повторило его имя десятки раз.

Он обернулся. На краю пропасти стояли те, кого он потерял:

Мать — в том самом платье, что было на ней в ночь пожара. Её лицо спокойно, но глаза полны слёз. — Ты ищешь мечь, а не правду. Ты идёшь по пути, который она пыталась для тебя закрыть.

Тимми — мальчик с обгоревшими ладонями. Его кожа была покрыта волдырями, но взгляд оставался детским, наивным. — Ты мог спасти меня. Почему не попытался? Ты даже не закричал, когда я упал.

Старуха Марта — ведьма, сожжённая год назад. Её волосы всё ещё дымились, а в руках она держала уголёк, который не гас. — Ты такой же, как они. Ты позволил страху править тобой. Ты бросил камень — и теперь он тянет тебя вниз.

— Это не вы! — Роберт сжал осколок. Тот вспыхнул, но свет был неровным, будто задыхался, пробиваясь сквозь тьму.

— А кто же мы? — спросила мать. Её голос звучал не укоризненно, а с печальной неизбежностью. — Мы — твоя память. И она не даст тебе пройти. Не пока ты не признаешь, что часть тебя хотела, чтобы мы погибли.

2. Конфликт: Люси против осколка

Люси рванулась вперёд, подняв посох. Кристалл засветился ядовито-зелёным, и свет ударил в осколок, как лезвие.

В тот же миг артефакт взвыл. Из него вырвался чёрный луч, отбросив Люси к краю моста. Она вскрикнула — кости под ней затрещали, угрожая обрушиться в пропасть.

Роберт почувствовал, как в голове разрастается голод. Не его голод — а тот, что жил в шраме, пульсировал в такт с

осколком, будто сердце чудовища.

— Остановись! — крикнула Люси, цепляясь за выступающую кость. Её пальцы дрожали, но она не отпускала посох.
— Ты убиваешь её!

«Её?» — подумал Роберт. Но в сознании уже звучал другой голос — низкий, как подземный огонь, густой, как смола:

«Прикажи им. Они твои. Они всегда были твоими. Ты — хозяин их боли, их страха, их смерти».

Роберт поднял руку. Осколок в его ладони стал жидким, словно расплавленный металл, и стекал по коже, оставляя следы, похожие на слёзы.

— Стоять, — прошептал он.

И призраки замерли. Их глаза погасли, а фигуры начали растворяться, как дым. Даже ветер затих, будто испугался.

— Уйти, — приказал Роберт.

Кости под ногами задрожали. Призраки растворились в тумане, оставив после себя лишь запах горелой плоти и едва уловимый шёпот: «Ты следующий...»

Люси поднялась, дрожа. Её взгляд был полон ужаса:

— Ты использовал силу осколка... как оружие. Как он. Ты стал им.

3. Башня: встреча с драконом

Они достигли башни на рассвете. Каменные стены были испещрены рунами, похожими на шрамы Роберта — те же изгибы, те же острые углы, будто кто-то вырезал их по одному шаблону. Дверь открылась сама — с тихим стоном, будто вздох уставшего зверя.

Внутри — полумрак и запах ладана, смешанный с металлическим привкусом крови. В центре зала стоял человек.

Он был высок, с седыми волосами, заплетёнными в косу. На руках — шрамы в форме крыльев, такие же, как у Роберта, но крупнее, глубже, будто выжженные огнём. Когда он повернулся, Роберт увидел его лицо:

То самое, что мелькнуло в осколке в ночь пожара.

Тот самый, кто говорил с его матерью.

Не дракон.

— Наконец, — сказал незнакомец, улыбаясь. Его голос был мягким, но в нём чувствовалась сталь. — Ты пришёл.

Роберт шагнул вперёд, сжимая осколок. Тот пульсировал, будто пытался вырваться из ладони.

— Кто ты?

— Я — тот, кого ты хочешь убить. И тот, кто спас твою мать.

Люси схватила Роберта за руку:

— Не слушай! Это ловушка! Он — часть проклятия!

Но незнакомец даже не взглянул на неё. Его глаза — такие же, как у Роберта, с тем же оттенком янтаря, — были прикованы к шраму на запястье юноши.

— Твоя мать знала правду, — продолжил он. — Она спрятала тебя, чтобы ты не стал таким, как я. Но теперь ты здесь. И ты уже начал превращаться.

— Превращаться во что? — прохрипел Роберт. Его голос дрогнул, но он не отступил.

Незнакомец поднял руку. На его запястье шрам вспыхнул,

и в тот же миг шрам Роберта отозвался — жгучей волной боли, которая прокатилась по всему телу.

— В того, кто может перековать мир. Или уничтожить его.

Он сделал шаг вперёд. Его плащ зашелестел, как крылья.

— Я — твоя кровь, Роберт. Я — твой отец.

4. Откровение: цена правды

В зале повисла тишина. Даже ветер за стенами замер, будто прислушивался.

— Мать говорила, что ты погиб, — пробормотал Роберт. Его пальцы сжали осколок так сильно, что кровь потекла по ладони.

— Она защищала тебя. Потому что знала: если ты узнаешь, кто ты, дракон внутри тебя проснётся окончательно.

— Дракон... внутри меня?

Отец кивнул. Его шрамы засветились ярче, и руны на стенах башни отозвались эхом.

— Мы — потомки древнего рода, хранившего силу огня. Но когда-то один из нас попытался подчинить её полностью.

Он стал драконом — и проклял нас всех. Теперь его дух живёт в каждом носителе шрама.

Люси шагнула вперёд. Её посох дрожал, но свет в кристалле не угасал.

— Значит, ты тоже...?

— Да. Я сдерживал его сто лет. Но теперь моя сила иссякает. И если Роберт не примет её... мир сгорит.

Роберт посмотрел на осколок в своей руке. Тот пульсировал, будто сердце, но ритм становился всё хаотичнее, как будто готовился к взрыву.

— Что ты предлагаешь?

— Перековать шрам. Но для этого ты должен убить дракона внутри себя. Или стать им.

— А если я откажусь?

— Тогда он вырвется. И всё, что ты любил, превратится в пепел.

5. Выбор

Роберт оглянулся:

Люси — её глаза полны страха, но она не отступает. В её взгляде читается мольба: «Не теряй себя».

Отец — стоит неподвижно, словно статуя, ждущая приговора. В его глазах — не гордость, а усталость, будто он уже тысячу раз проходил этот путь.

Шрам — жжёт кожу, шепчет: «Ты знаешь ответ. Ты всегда знал».

Осколок в ладони стал тяжёлым, как гиря, и Роберт почувствовал, как его пальцы начинают сливаться с металлом.

— Если я приму силу, — спросил он, — кем я стану?

— Тем, кто может спасти мир, — ответил отец. — Или тем, кто его уничтожит. Это твой выбор.

Люси протянула руку:

— Не делай этого. Есть другой путь. Мы найдём его вместе.

Но Роберт уже знал: пути назад нет. Осколок пульсировал в унисон с его сердцем, а шрам горел так ярко, что боль стала

частью его сущности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.